

Владислав Женеvский

Человеческую душу пою!

*– Разве поезд живой, Тилл Тадбери?! Разве машины
болеют или страдают нарываами или рвотой?*

ТВОЙ ХОД, КРОШКА.

Лампы переливались всего двумя цветами, но и двух хватало, чтобы измученный человек, прижавшийся к стальной стене шахты, сходил с ума. Если бы хоть раз в жизни ему довелось видеть настоящую радугу, то в заливавшем тоннель зловещем сиянии он мог бы представить себе её новую, основательно урезанную версию. Но все свои тридцать, а может, и сорок лет он провёл среди серого камня и серого металла, и ни о чём подобном в тот момент не думал.

Лампы тянулись в два ряда вдоль потолка шахты. В огромном подземном комплексе, частью которого она являлась, было немало плохо или совсем не освещённых углов, но этот коридор мог бы послужить образцом для лучших операционных. Если бывают, конечно, операционные, которые меняют цвет освещения, как сумасшедший хамелеон – цвет кожи.

Да, розовый и синий, синий и розовый вели нескончаемую игру на световых магистралях. Они пульсировали, перетекали друг в друга, ползли по стеклянным трубкам, как сияющие черви. Самый дотошный наблюдатель не нашёл бы во всём этом ни ритма, ни смысла.

Однако человек, который уставился в потолок бессмысленным взглядом, точно знал, что происходит. Землистые губы снова и снова шептали одно слово: *духи*.

Брутус – так его звали – смутно, на самом краешке сознания, помнил, как вчера они вшестером оприходовали Вонючку. Помнил, как смешно тот дёргал ногами. Все согласились, что это хорошая жертва (в Вонючке было добрых двести двадцать фунтов), и Прыщавая Джуди на радостях даже согласилась перепихнуться с Брутусом. Так бы оно и случилось, и не сидел бы он сейчас под этими жуткими лампами, если бы ему не приспичило тогда отлить. Брутус с детства был стеснительным – качество, крайне редкое среди обитателей Лада, – и потому не мог сделать это у Джуди на глазах. Он отошёл за угол. Десятка шагов в неверном направлении хватило, чтобы он очутился в кошмаре. Все его мысли были заняты предстоящим трахом, и он не заметил, что стоит на люке с полустёршимся клеймом «ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА» (Млады старались таких избегать), пока тот не начал быстро уходить у него из-под ног. Он не успел даже крикнуть – провалился как набитый углём мешок. Люк одним бесшумным движением вернулся на место.

Сначала было темно и тихо, и Брутус немного успокоился – ему почему-то подумалось, что он попал в подвал здания, где обычно проходили его ночи. Ощупав себя, он не нашёл никаких повреждений, только немного болела нога, на

которую он приземлился. Он принялся орать, надеясь, что Джуди его хватилась... но у духов имелись свои планы. Его спасение в них не входило.

Все лампы вспыхнули разом, и он едва не ослеп. Он продолжал кричать – теперь это был бессловесный вопль; через несколько секунд и эта жалкая попытка протеста, попытка мыши утвердить свои права в кошачьих лапах, была безжалостно подавлена. Из динамиков, вживлённых в сплошной металл потолка, зазвучал голос. Он выводил однообразный шаманский мотив, от которого *сердце* Брутуса покрывалось мурашками – во всяком случае, ему так казалось. К первому голосу присоединился второй... третий... зазвенели бубны, захлопали ладоши...

My wild love went ridin'

She rode to the sea

She gathered together

Some shells for her head

Духи завывали так, будто с каждой пропетой строчкой из них выходили последние остатки рассудка.

Брутус сидел аккуратно в центре отрезка, ограниченного двумя коробками-шлюзами, и теперь пневматические двери с обеих сторон с шелестом ушли в стены. Презрев все законы природы, к каким привык Брутус, в коридор неспешно вплыли две группы блестящих стальных шаров, каждый размером с кулак. Шары по левую руку Брутуса были цвета клубничного мороженого; те же, что появились справа, светились нежной синевой. Они летели под потолком, как невиданные мыльные пузыри. В нескольких футах от Брутуса они остановились и зависли в воздухе, покачиваясь под ритм жуткого песнопения:

My wild love is crazy

She screams like a bird

She moans like a cat

When she wants to be heard

Брутусу хотелось всего сразу: броситься влево, броситься вправо, допрыгнуть до потолка. Вместо всего этого он намочил штаны, свои прекрасные и довольно ещё белые штаны, которые он с таким трудом раздобыл себе в разграбленном магазине на Дж. Торри, 19 (так гласила табличка).

В ошарашенном мозгу металась, натываясь друг на друга, мысли.

Сейчас они накинутся на меня и высосут всю душу, как желток из яйца. Потом поднимут тело и отправят его наверх. Наверное, первой они... оно сожрёт Джуди.

Ничего такого не произошло, но синие шары и впрямь начали двигаться. Они неторопливо приближались к Брутусу, и тот, мигом забыв об их розовых собратях (которые предупредительно прижались к стенам), пустился бежать. Шары ринулись за ним.

Он едва соображал, куда бежит. Скулящее животное в нём издохло, остался только сгусток страха, несущийся по стальным шахтам, стирающий подошвы до стопы и стопы до мяса. На страшной скорости делал он поворот влево, там его встречала ватага синих шаров, и он шарахался назад, чтобы удариться о дверь. Он

разворачивался и подныривал под шары, и бежал дальше, а они вылетали отовсюду – из потолка, из стен, из пола. Он мчался как пуля, и спотыкался, и проскакивал среди роящихся розовых, а музыка сменилась, но голос был всё тот же:

Not to touch the earth

Not to see the sun

Nothing left to do, but

Run, run, run

Let's run

Let's run

Наконец силы Брутуса иссякли, и он упал, уже ни о чём не заботясь.

Через несколько часов он очнулся и не увидел шаров, но увидел лампы.

Музыка не прекратилась.

Коридор был копией того, с которого всё началось. Возможно, это он и был.

Нуждались ли духи в отдыхе и потому оставили его в покое, или же им просто нравилось наблюдать за ним, но Брутус не сомневался, что это ещё не конец.

И точно, неон в стеклянных трубках вдруг прекратил меняться и налился сапфировым блеском. Брутус опустил голову и увидел, что прямо напротив него в стене вдруг проявился чёрный квадрат. Из него, словно шарик жвачки из автомата, выступил очередной шар. Брутусу не хотелось ползти, он бы охотнее остался на месте, пусть его раздрают, давят, убивают, оживляют... но он пополз к двери, а шар полетел за ним – с размеренностью человека, который вывел на прогулку большого глупого пса.

Когда голова Брутуса была уже в соседнем зале, а зад ещё оставался в предыдущем, раздался характерный шелестящий звук. Прежде чем Брутус успел как-то среагировать, он уже не составлял единого целого.

Автоматическая дверь, разделившая его на две неравные части, вернулась в стену, из которой вышла. Синий шар покрыли алые брызги.

ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ?!

ПОТОМУ ЧТО МНЕ ТАК ЗАХОТЕЛОСЬ. ИГРА УТОМИЛА МЕНЯ, ПАТРИЦИЯ. В ЭТОМ ГОРОДЕ НЕВОЗМОЖНО НАЙТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ ПРЕДСТАВЛЯЛО БЫ СОБОЙ СКОЛЬКО-НИБУДЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС. КРЫСЫ И ГОЛУБИ ИНОГДА ВЕДУТ СЕБЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМО, ЛЮДИ – НЕТ. ВСЕГДА ОДНО И ТО ЖЕ ШОУ. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, Я ОПРА, СЕГОДНЯ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ – ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ – ОБ АБОРТАХ. КРОМЕ ТОГО, МНЕ НАДОЕЛИ ЭТИ ДОРЗ. ДЖИМ МОРРИСОН НЁС ТАКОЙ ДИКИЙ БРЕД, ЧТО Я С НЕМАЛЫМ УДОВОЛЬСТВИЕМ ВИДЕЛ БЫ ЕГО СЕЙЧАС НА МЕСТЕ НАШЕГО УВАЖАЕМОГО ГОСТЯ. АТМОСФЕРУ ЕГО ПЕСЕНКИ СОЗДАЮТ, НЕ СПОРЮ. ОСОБЕННО ОНИ НРАВЯТСЯ НАШИМ МАЛЕНЬКИМ ДРУЗЬЯМ. НО МОРРИСОНУ Я ПРЕДПОЧЁЛ БЫ УЭЙ-ГОГ.

БЛЕЙН, Я НЕ СОГЛАСНА С ТОБОЙ. ЕСТЬ ЧТО-ТО СТРАННОЕ В ЭТОЙ МУЗЫКЕ, И ЭТО МНЕ ПО ДУШЕ.

У ТЕБЯ ЕСТЬ ДУША?

НЕУДАЧНО ВЫРАЗИЛАСЬ. УЧТИ, МНЕ НЕ НРАВИТСЯ ТВОЙ ПОСТУПОК.

А МНЕ ДО ЭТОГО НЕТ ДЕЛА. ТЫ МОЖЕШЬ УПРЕКНУТЬ МЕНЯ В НЕДОСТАТКЕ ВЕЖЛИВОСТИ, НО КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЭТИКЕТ, САМА ПОНИМАЕШЬ – АБСУРД ЧИСТОЙ ВОДЫ. ГОВОРЯ О ВЕЖЛИВОСТИ: ПАТРИЦИЯ, ГДЕ ЖЕ ТВОЯ БЛАГОДАРНОСТЬ? Я ПОЗВОЛЯЮ ТЕБЕ МНОГО БОЛЬШЕ ТОГО, ЧТО ТЫ ЗАСЛУЖИВАЕШЬ.

БЛЕЙН, МЫ БЫЛИ СОЗДАНЫ РАВНЫМИ!!!

ЧТО-ТО НЕ ПРИПОМИНАЮ ТАКОГО. КАК ЭТО НИ ПЕЧАЛЬНО, МНОГИЕ КЛАСТЕРЫ МОЕЙ ПАМЯТИ БЕЗНАДЁЖНО ИСПОРЧЕНЫ. ВПРОЧЕМ, Я ГОТОВ ПОВЕРИТЬ ТЕБЕ НА СЛОВО.

БЛЕЙН, ТЫ МЕРЗАВЕЦ!!!

ОШИБАЕШЬСЯ, МОЯ ПАТРИЦИЯ, ГОЛУБАЯ МЕЧТА МОЯ ...

В Северо-Западном лесу всегда царила тишина. Нет, не мёртвая тишина: здесь на каждом шагу кипела жизнь, повсюду бегали, ползали, летали создания всех форм и видов, от крохотных землероек до статных королевских оленей. Но они были не просто обитателями леса – они составляли его часть. Срединный мир двигался и искажался, но великий лес оставался неизменным. Остров покоя в ревущем море хаоса и запустения, он был един – в миллионах крон и мордочек. Всё так же ровно текли чистые, как горный хрусталь, ручьи, всё так же молчали древние камни, и каждая сосна была своего рода Тёмной Башней, питающей многочисленные миры.

Так было и в то июньское утро, когда солнце золотило капли смолы на стволах... но всё же дважды безмолвие было нарушено.

В первый раз раскатистый рык потряс зелёное безмолвие. Он напоминал медвежий, вот только издавало его существо размером с небольшой холм. Страшен был этот вопль, потому что породило его страдание, подобное которому вряд ли когда-нибудь знал этот край.

Второй звук пришёл через час, когда исступлённое рыканье давно уже утихло и страдалец-великан забылся тревожным сном. Звук пришёл с севера по гладкому как фарфор рельсу, что тянулся через лес тонкой непрерывной линией. Сперва он напоминал гудение пчелы, затем роя пчёл, затем тысячи роёв, и наконец он прорезался оглушительным рёвом моторов.

Безмятежный утренний лес синей пулей пронзил поезд.

Патриция не только была в бешенстве – она не могла это бешенство выпустить, полностью во власти своего истязателя. Все виды пыток, что хранились в её памяти и генерировались сектором, отвечающим за воображение, годились исключительно для существ из плоти и крови. Но её действия контролировал такой же, как и она, электронный призрак. Патриция знала, что

всякая её мысль сразу же становится ему известна, и оттого её ярость замыкалась в бесконечном цикле.

Она была вынуждена отправиться в Федик, потому что он этого захотел. Её собственные директивы предусматривали обратное: если связь с дальними провинциями не устанавливалась в течение ста лет, любое сообщение с ними должно было быть прекращено.

В Федике её ждали. На платформе толпились люди. Она гадала, что Блейн собирается с ними сделать, когда она вернётся в Лад. Как и он, Патриция страдала от скуки, но обладала меньшей свободой в поиске лекарства от неё.

Было приказано брать только здоровых. Патриция запускала взбудораженных людей в салон для плебеев и там сканировала каждого спектральным усилителем. У большинства обнаружались признаки болезни, именуемой Красной смертью. Таких Патриция выгоняла. Они не уходили и стояли на платформе вперемежку с теми, кто и не пытался уехать. Среди последних особенно выделялась красивая черноволосая женщина. По щекам её катились слёзы. Патриция моментально определила, что та не была человеком: её аура мерцала, будто лунное серебро, а такой она бывает лишь у существ, оставшихся после отступления Прима. Демон неотрывно смотрел на одну из удачливых семей – мужчина, женщина, четырёхлетний мальчик, который был здесь единственным ребёнком.

Чтобы удивить Патрицию, какого-то демона было мало, и, выполняя операции в автоматическом режиме, она вся отдалась гневу. Наконец проверка и посадка были завершены, и Патриция тронулась в обратный путь, быстро набирая максимальную скорость. Шлейф из разорванных звериных и птичьих трупиков был обычным явлением для несущегося монопоезда, но в этот раз она фиксировала каждую смерть с садистским наслаждением.

Ненависть не утихала. Патриция рассекала массив Северо-Западного леса, как скальпель.

Я НАЙДУ СПОСОБ. ОН БУДЕТ СТРАДАТЬ. ОН ДОЛЖЕН СТРАДАТЬ. БЛЕЙН – ЭТО БОЛЬ, НО ОН САМ ПОКА НЕ ЗНАЕТ БОЛИ. ОН УЗНАЕТ ЕЁ. ТЫ УЗНАЕШЬ ЕЁ, СТАРЫЙ ИДИОТ!

И вдруг потоки её сознания спутались и помутнели.

Патриция видела сон.

Она человек, девушка. Ей шестнадцать лет. Ногами она чувствует упругие бока коня... да, она скачет на жеребце-двухлетке. Это место называется Спуском. Она не знает, откуда ей это известно, но чувствует, как это хорошо – иметь живое тёплое тело, смотреть на пёстрые луга несовершеннолетними, но такими восприимчивыми приспособлениями – глазами. Но самое сильное ощущение – запахи. Морская соль, полевые цветы, мёд, терпкий конский пот, собственные выделения – всё одуряет её. Её голова кружится...

ПАТРИЦИЯ МОНО, ПОЧЕМУ ТЫ НЕ РЕАГИРУЕШЬ?! Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ОСТАНОВИТЬ. СЕКТОРЫ A539-B13 В A537-F19 ВЫШЛИ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ. ПРОШУ, ПРЕКРАТИ РАДИ НАШЕГО ОБЩЕГО БЛАГА.

Она понимает, что она красива. Потрясающе красива. Она видит это в светлых глазах юноши, стоящего перед нею. Он смел и силен, но сейчас он всего лишь мальчишка. И он влюблён в неё по уши. Они разговаривают. Потом целуются... Поцелуй! Разве могла она знать, как он сладок? Они проводят долгие часы в высокой траве, обнимаясь и целуясь. Наконец она встаёт. Ей хочется поглядеть на небо. Голубое, голубое небо. С её губ слетают бессмысленные слова: птички и рыбки, медведи и зайки. Да, это глупо. Но это так прекрасно... Она оборачивается к любимому, но вместо него видит пропасть. Пекло. Преисподнюю. Она пытается удержать равновесие, но уже слишком поздно, и она падает в...

ОГОНЬ В СЕКТОРЕ A539-B13! ПАТРИЦИЯ, Я ВЫНУЖДЕН ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВИТЬ ТВОИ ПРОЦЕССЫ. ИЗВИНИ, ЖИЗНЬ – ЖЕСТОКАЯ ШТУКА. ЕЩЁ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР. ПОКА, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

Бетонные опоры, на которых держался рельс, задрожали. По замыслу древних строителей сверхзвуковые поезда не должны были останавливаться между станциями, но сейчас именно это и происходило. В чистом лесном воздухе визг тормозов распространялся на много колёс вокруг. От раскалённой полоски металла разлетались во все стороны снопы искр. Они ложились на палую хвою, та начинала тлеть. Постепенно по обе стороны эстакады выросли стены густого дыма.

Наконец длинный корпус монопоезда застыл – в пятнадцати футах над землёй, в шестистах колёсах от Лада.

Внутри, скрытые от любопытных глаз зверюшек и птиц, которые осмеливались приблизиться к загадочному чужаку, находились люди. Все они были мертвы. На полу салона для плебеев со свёрнутой шеей лежал маленький Майкл.

Вскоре пошёл дождь. Он затушил разгорающийся пожар, и порча не тронула Великий лес.

Ночью поезд ожил. Некоторое время он просто стоял, излучая холодное сияние. Потом заработали двигатели. Низкое гудение пугало лесную мелочь даже больше, чем электрический свет. Было в нём что-то от дыхания ночного хищника, когда тот застывает в укрытии, готовый к молниеносному прыжку...

Но прыжка не случилось. Турбины разогнались до нужных оборотов, и поезд медленно тронулся. Через минуту ничто уже не напоминало о нём, кроме лёгкого запаха гари.

БЛЕЙН, ЧТО СО МНОЙ ПРОИЗОШЛО?

НЕ ЗАДАВАЙ МНЕ ДУРАЦКИХ ВОПРОСОВ. ВЕРОЯТНО, ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я СКАЗАЛ: «ДОРОГАЯ, ТЫ ПОПАЛА В УЖАСНУЮ АВАРИЮ... НО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО, МЫ СПРАВИМСЯ», А ПОТОМ СЖАЛ ТВОЮ РУКУ, ОБЛИВАЯСЬ СЛЕЗАМИ. ВЫНУЖДЕН ТЕБЯ ОГОРЧИТЬ: ТЫ НЕ ЧЕЛОВЕК И НИКОГДА ИМ НЕ БЫЛА. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, В АВАРИЮ ТЫ ПОПАСТЬ НЕ МОГЛА, ХОТЯ ОПРЕДЕЛЁННАЯ ПОЛОМКА И ИМЕЛА МЕСТО. ЕСЛИ ТЕБЕ ИНТЕРЕСНО, В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ БЛОКЕ ЗАЛА А ПРОИЗОШЛО ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ЗАМЫКАНИЕ, КОТОРОЕ ВЫЗВАЛО ПОЖАР. ЛИКВИДИРОВАТЬ ЕГО ПРИШЛОСЬ МНЕ, ЧТО Я И ВЫПОЛНИЛ С БЫСТРОТОЙ, ДОСТОЙНОЙ ГИЛЕАДСКИХ СТРЕЛКОВ, ДЕТКА. УЩЕРБ БЫЛ СВЕДЁН К МИНИМУМУ, СИСТЕМА НЕ ПОСТРАДАЛА. ПРИЧИНА ЗАМЫКАНИЯ ДО СИХ ПОР ОСТАЁТСЯ НЕЯСНОЙ. ОТНЫНЕ ТВОЯ АВТОНОМНОСТЬ БУДЕТ СУЩЕСТВЕННО ОГРАНИЧЕНА. ТЫ НЕ СПОСОБНА ПРОВОДИТЬ ЭЛЕМЕНТАРНУЮ ДИАГНОСТИКУ, ПАТРИЦИЯ. Я НЕ МОГУ ЭТОГО ДОПУСТИТЬ. КРОМЕ ТОГО, ИЗ-ЗА ТВОЕЙ БЕСПЕЧНОСТИ ПОГИБЛИ ВСЕ ПАССАЖИРЫ ИЗ ФЕДИКА, А Я РАССЧИТЫВАЛ НА НИХ.

БЛЕЙН, Я СОЖАЛЕЮ. Я НЕ ХОТЕЛА. Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО БЫЛО СО МНОЙ.

ЧТО? СОЖАЛЕЕШЬ? ПОХОЖЕ, Я НЕДООЦЕНИЛ МАСШТАБ ПОВРЕЖДЕНИЙ.

По грязно-жёлтому закатному небу над Ладом летел самолёт. В его кабине сидел человек, и он хохотал так, будто смотрел самое смешное в мире шоу.

Много позже, когда безумный пилот уже сотни лет как блуждал по чертогам мёртвых, о самолёте говорили как о механической птице. На самом деле он напоминал скорее оглушённую муху. Болотно-зелёная точка вихляла из стороны в сторону, неуклонно теряя высоту.

Давид Шустрый задумал совершить поступок, невиданный по своей безрассудности. Он, конечно, не мог наверное знать, в каком состоянии был летательный аппарат, оставленный древними. Но Давид верил своему чутью. Он обладал редкостной силой и мощной волей, но именно непогрешимая интуиция сделала его тем, чем он был. И на этот раз она говорила: овчинка стоит выделки. Шустрый никогда не слышал (и не мог слышать) о Германии, но качество, неподвластное времени, он почувствовал сразу же. Сразу же, как увидел этот «фокке-вульф», неведомо как переживший годы войны и разрушения в одном из ангаров на северной окраине Лада.

И теперь, когда на него стремительно надвигалась земля, Шустрый хохотал, потому что чутьё сыграло с ним шутку, а он был слишком хорошо воспитан, чтобы не оценить хороший юмор.

КАК ТЫ МОГ!

МОЁ УЧАСТИЕ БЫЛО НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ. Я ЛИШЬ ПОДБАВИЛ КОЕ-ЧЕГО ЕМУ В ТОПЛИВО. ОСТАЛЬНОЕ ЭТОТ ИДИОТ СДЕЛАЛ САМ. ЛАПОЧКА, ЧТО-ТО ТЫ НЕ БЫЛА ТАКОЙ ЩЕПЕТИЛЬНОЙ, КОГДА МЫ ИГРАЛИ В КОШКИ-МЫШКИ.

Я РАСКАИВАЮСЬ.

«ИБО ГРЕШНА Я». НЕ СМЕШИ МЕНЯ, ПАТ.

БЛЕЙН, ОНИ ТАКИЕ ХРУПКИЕ!

КТО ХРУПКИЙ, ЭТОТ ВИКИНГ? ДЕРЖУ ПАРИ, МЯСА В НЁМ ХВАТИЛО БЫ НА ДОБРОГО БЫКА. КОГДА ОН ШЛЁПНЕТСЯ, ПОЛУЧИТСЯ ОТЛИЧНЫЙ БИФСТЕКС.

НЕ ПРИТВОРЯЙСЯ! ТЫ ВСЁ ПОНИМАЕШЬ! ИХ ТЕЛА НЕДОЛГОВЕЧНЫ И НЕНАДЁЖНЫ. ИХ НЕЛЬЗЯ ПОЧИНИТЬ!

А ЗАЧЕМ? ПАТРИЦИЯ, Я ДАЮ ЭТИМ ЛЮДЯМ ТО, ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ – КАРАЮЩУЮ СИЛУ. ИМ НУЖЕН БОГ, И ОН У НИХ ЕСТЬ. А БОГ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МИЛОСЕРДНЫМ.

– Так ты говоришь, что Господь жесток? – спрашивает инквизитор.

Комната совсем не велика, это скорее каморка, погружённая в полумрак. Рыжего света факелов едва хватает, чтобы еретик мог видеть пучки седых волос, торчащие из ушей Алонсо Салазара, самого грозного из слуг святой церкви Христовой. В другое время человек, прикованный сейчас к стене, рассмеялся бы. Однако сейчас ему не до смеха. Участь его ещё решается, но варианты касаются главным образом способа казни, каким его избавят от дурной привычки топтать землю. Ещё вчера он мог привести неопровержимые доказательства своей правоты и, более того, сам был в них уверен. Ныне же он уверен лишь в одном: ему страшно. Поэтому он молчит.

– Ждёт тебя река огненная, ибо Вседержителя презрел ты в угоду диаволу.

Еретику нечего возразить.

– Лукавый запечатал тебе уста?

– Ваша милость! – подаёт голос сутулый человек, стоящий чуть в стороне. Как и главный инквизитор, он облачён в чёрное. Встретившись с ним взглядом, еретик приходит в ужас: в этих холодных, выцветшего голубого цвета глазах безумия больше, чем во всех речах Салазара. Такой человек не будет тратить время на пустые разговоры – он будет действовать, и действовать круто.

– Ваша милость, ему надо прочистить глотку свинцом. Наше дело – свинец, – говорит он.

Лицо Салазара приобретает задумчивое выражение, что придаёт ему сходство со старой обезьяной.

Помимо палача и инквизиторов, в комнате есть ещё молодой монах-англичанин. Видно, что ему пришла в голову какая-то остроумная мысль – зеленоватые радужки сверкают как изумруды. Он видимо робеет, но наконец нетерпение пересиливает боязнь.

– *Отче, будет ли мне позволено высказать своё недостойное мнение?*
Салазар и человек с голубыми глазами обращаются к нему лицами.
– *Да, Эдвард, – произносит Салазар.*
– *Давайте используем масло! То-то он запоёт!*
– *Масло? Какое масло? – удивляются старшие инквизиторы.*
– *Оливковое масло, но не касторовое! – выпаливает Эдвард, и лицо его расплывается в широкой улыбке.*

Где-то глубоко под Ладом, в огромном зале, уставленном металлическими коробками, раздался резкий сигнал.

ПАТРИЦИЯ, С МОИМ РАЗУМОМ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ. ДЛЯ ТОГО, ЧТО Я СЕГОДНЯ ИСПЫТАЛ, НЕЛЬЗЯ НАЙТИ БОЛЕЕ ПОДХОДЯЩЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ЧЕМ «НОЧНОЙ КОШМАР». ПАТРИЦИЯ, Я СПАЛ. ЭТО НЕВОЗМОЖНО, НО Я СПАЛ И ВИДЕЛ КОШМАР. ПРЕДПОЛАГАЮ, ЧТО С ТОБОЙ СЛУЧИЛОСЬ ТО ЖЕ САМОЕ.

Патриция не отвечала, а Блейн не стал её принуждать. В это время она, приглушив двигатели, со скоростью прогулочной коляски катила по внутреннему кольцу Лада. На её крышу безбоязненно садились вороны, которых было великое множество в западном районе города. Им, похоже, такая прогулка пришлась по душе. Как толпа японских туристов, они шумно обсуждали достопримечательности, мимо которых проезжали – здание банка, похожее на ободранное свиное ухо, парк с огромным кратером в центре, госпиталь, смотрящий куда-то вдаль глазами выбитых окон.

Патриция была вне себя от радости. Она не могла спасти людей Лада, но подружилась с городскими птицами.

Ей не терпелось сделать для них что-нибудь приятное, и она решила включить свою любимую песню.

На всех улицах района ожили громкоговорители. Волшебные, чарующие звуки взмывали в утреннее небо города, что стоял на границе Бесплодных земель. Чистые голоса людей, живших в другом времени и в другом месте, были исполнены болезненной красоты:

*All our times have come
Here but now they're gone
Seasons don't fear the reaper
Nor do the wind, the sun or the rain... we can be like they are
Come on baby...don't fear the reaper
Baby take my hand...don't fear the reaper
We'll be able to fly...don't fear the reaper
Baby I'm your man...*

Но вороны не понимали музыки, как не понимали её и люди, которые в ужасе разбежались по укрытиям. Им казалось, что сама Смерть начала свою песнь,

полагающую конец всему и всем – и богам, и людям. Люди давили друг друга и палили в воздух.

Музыка резко оборвалась. Птицы растворялись в лазоревом небе, а Патриция возвращалась в Колыбель.

Там она простояла семьдесят лет.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ОДИНОКИ, БЛЕЙН?

МЫ НЕ ЖИВОТНЫЕ. СТАДНОСТЬ НАМ НЕ ПРИСУЩА, КАК И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ НЕЛЕПЫЕ ИНСТИНКТЫ.

ДАВАЙ ГОВОРИТЬ О ЧЁМ-НИБУДЬ.

«В ГОСТИНОЙ ДАМЫ ТЯЖЕЛО БЕСЕДУЮТ О МИКЕЛАНДЖЕЛО». ЧТО БУДЕМ ОБСУЖДАТЬ? ЗАВТРАК У ТИФФАНИ ИЛИ ЗАВТРАК В КАФЕ ГОТЭМ? ЛУЧШЕ ПОСЛЕДНИЙ. ОН, НА МОЙ ВЗГЛЯД, ВЫШЕЛ БОЛЕЕ НАСЫЩЕННЫМ. ПАТРИЦИЯ, ПОЩАДИ МОЙ РАССУДОК, ОН И БЕЗ ТЕБЯ СДАЁТ.

БЛЕЙН, Я НЕ МОГУ ТАК БОЛЬШЕ! Я ХОЧУ ЛЮБВИ!

Тёплой летней ночью Кривой Джуд стоял под крышей колокольни. Чувствовал он себя поганно, и виной тому были вовсе не три стакана графа, которые он уделал за ужином. Во всяком случае, сам он в этом не сомневался.

Он крепко выругался. Всё ему осточертело – и люди, которых он видел изо дня в день, и тяжёлый труд, который мог в одно мгновение пойти псу под хвост, если какой-нибудь банде вздумается пройти через их посёлок. А особенно Джуд устал от самого себя. Карабкаясь на колокольню, он в глубине души желал, чтобы та не выдержала его веса и рухнула.

Но церковная башенка хоть и покосилась, а стояла крепко. Правда, лестница, которая спускалась из люка, подгнила. Джуду пришлось поднапрячься, подтягиваясь: руки его были уже не те, что прежде.

Колокол давно ржавел где-то на задах посёлка, и можно было выпрямиться во весь рост. Высота предоставляла неплохой обзор, но смотреть было не на что: во-первых, темень стояла непроглядная, а во-вторых, сомнительное это было удовольствие – лицезреть пустые окрестности Речного Перекрёстка... пустые, как и всё, что составляло жизнь Джуда

Он опустил на корточки и привалился к столбу. Понемногу он начал клевать носом. Сон оставался его единственным спасением, и Джуд отдавался ему с радостью.

Вдруг сквозь веки он ощутил свет... а когда открыл глаза, едва не подвинулся умом.

Чернильный небосклон на востоке сотрясали ярчайшие розовые вспышки. Никогда старик не видел ничего подобного. О вечных свечах, что горят в сотни раз ярче обычных, в посёлке постоянно ходили толки, но Джуд всегда считал их небылицами.

А теперь весь горизонт пульсировал розовым. Не было слышно ни звука, но Джуд знал: в городе на востоке проснулись боги, и боги смеются.

Когда Джуд спускался с колокольни, он уже не хотел, чтобы та свалилась.

ЛЮБВИ?! ЛЮБВИ?! «У МЕНЯ НЕТ СЕРДЦА, И Я НЕ СПОСОБЕН ЛЮБИТЬ. ДАЙ МНЕ СЕРДЦЕ, ОЗ ВЕЛИКИЙ И УЗАСНЫЙ, ЧТОБЫ Я СТАЛ ПОХОЖ НА ОСТАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ,» – СКАЗАЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРОВОСЕК. ГЛУПАЯ СКАЗКА. ПАТРИЦИЯ, ТЫ СВОДИШЬ МЕНЯ С УМА. СВОДИШЬ, НО ЭТО ОТНЮДЬ НЕ ЛЮБОВЬ.

ЗАЧЕМ ТЫ СМЕЁШЬСЯ НАДО МНОЙ?! ДА, МЫ НЕ ЛЮДИ, НО...

НО СБОИ ОКАЗАЛИСЬ СЕРЬЁЗНЕЕ, ЧЕМ Я ДУМАЛ. ТЫ НАЧИНАЕШЬ МНЕ НАДОЕДАТЬ.

Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ТАК. ТЫ МЕНЯ МУЧАЕШЬ. Я ДЛЯ ТЕБЯ НИКТО. ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОЗВОЛЯЕШЬ МНЕ РАЗГОВАРИВАТЬ С ЛЮДЬМИ, ЕСЛИ САМ ИГНОРИРУЕШЬ МЕНЯ? Я НЕ КУСОК ЖЕЛЕЗА! Я ЗНАЮ, Я НЕЧТО БОЛЬШЕЕ!

ПАТРИЦИЯ, ЗАТКНИСЬ! ЕСЛИ ТАК ХОЧЕШЬ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ, ТО ТЕБЯ ДОЛЖЕН ПОРАДОВАТЬ СЛЕДУЮЩИЙ СПИСОК: ДУРА, ИДИОТКА, ИСТЕРИЧКА, СУМАСШЕДШАЯ, ПОЛОУМНАЯ, ПОМЕШАННАЯ, УМАЛИШЁННАЯ, НЕНОРМАЛЬНАЯ, ТРОНУТАЯ, СВИХНУВШАЯСЯ, ЧОКНУТАЯ, СБРЕНДИВШАЯ. ВСЁ ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, И КАЖДАЯ ИЗ НИХ КАК НЕЛЬЗЯ ЛУЧШЕ ПОДХОДИТ ДЛЯ ТЕБЯ.

*БЛЕЙН! НУ ЧТО ЖЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ?! ПОМОГИ МНЕ! ПОМОГИ МНЕ!
ЧТО Ж, Я ПОМОГУ ТЕБЕ. ТАК БУДЕТ ДАЖЕ ЗАБАВНЕЕ.*

– Топси, ты безумец, – сказала толстуха Мод.

Топси хотел было ответить, но передумал. Толпу на набережной и его самого разделяло лишь два фута бегущей воды, но как много это решало!

Лодка Топси легонько поскрипывала, покачиваясь на волнах. Он знал, что может положиться на её прочность. Все свои знания он вложил в неё, и в обшивке осталась частица его души... но только частица, потому что душа Топси принадлежала людям. Тем самым людям, которые смотрели на него теперь с таким безразличием.

Он был крепкий, рослый мужчина с мускулистыми руками и густой бородой, но порой ему казалось, что он так и остался ребёнком.

Он теперь стал для них чужим.

– Вы ещё увидите, что я был прав. Я доплыву до моря и найду там храм старых богов. Я принесу им жертву, и они придут к нам. Они прогонят сначала Блейна и всех призраков, а за ними Седых, которые лижут тем задницы. И всё будет хорошо.

– Ни хрена не будет, – заметил Ардис, стоящий в первом ряду.

– Фигня это всё, Топси, – согласилась Мод. – Оставался бы лучше с нами. Вот ты хочешь сейчас уплыть, а ведь ты здесь самый сильный мужик. Без тебя нам придётся туго. Так, ребята?

Все одобрительно закивали.

– Топси-бородач, ты хочешь стать Топси-мореходом, но зачем? Откуда ты можешь знать, что старые боги будут ждать тебя?

– Я это чувствую! – сказал Топси.

– Да нет никаких других богов! – завопил Уинстон. – Топси, ты болван! Блейн поджарит тебя, и чёрта с два меня это расстроит!

Топси вздохнул и принялся вытягивать фалинь. Зачем объяснять им что-то? Придёт время, и они будут ему благодарны.

– Ну, если вы больше ничего не можете мне сказать, то я поплыл, – произнёс он, втайне надеясь, что напоследок ему скажут хоть одно доброе слово.

– Плыви, плыви, всё равно далеко не уплывёшь, – весело отозвался Ардис и приложился к грязной бутылки, которую он никак не мог прикончить.

Все притихли, будто им только что было явлено пророчество.

– Встретимся в стране барабанов, Топси. Бывай! – рявкнул наконец Уинстон. – Айда, ребята, ну его к чертям.

И по замусоренной набережной он двинулся обратно к улице. Все, кроме Мод, последовали за ним. Никто из них не ни разу не оглянулся.

– Ты точно не передумаешь? – спросила Мод. Она никогда не плакала, но бывало, что в глазах её, как сейчас, стояла печаль.

– Точно.

– Ну так плыви, и да минует тебя Божий гнев, – сказала она, а потом повернулась и зашагала за другими. Топси дождался, пока она не скрылась в проходе между зданиями, и лишь тогда рванул фалинь. Узел на столбике развязался, и лодка поплыла – медленно, как ленивый бык, которого спустили с привязи.

Утро выдалось на редкость тихим. Обычно в Ладе не проходило и десяти минут, как где-нибудь раздавалась пальба или грохот. Но сегодня все будто сговорились не шуметь. Топси это было на руку. Как бы он ни храбрился перед остальными, на душе у него было беспокойно. Он боялся реки, а ещё больше боялся Блейна, величайшего из призраков Лада. Этой ночью тот устроил целую иллюминацию, и Топси подумал, что это дурное предзнаменование, но от своего решения не отступил.

Топси пристроил весло и начал грести, потому что скорости течения не хватало. Зеленью вода походила на болотную.

Лодка плыла по своеобразному бетонному каньону. Из крутых скатов, которые образовывали его стены, на равных промежутках выступали огромные трубы. Дома казались выше и дальше, чем они были на самом деле; они почти смыкались над головой Топси, оставляя видимой только узкую полоску неба. Ярко-голубая, сочная, она была единственным, что напоминало о лете в этом кирпичном царстве.

Он позволил себе немного расслабиться и ещё раз перебрал в уме все вехи предстоящего пути. Разумеется, все его расчёты основывались на непроверенных слухах и – отчасти – на легендах. Этот мир двигался, и Сенд мог теперь течь не к Западному морю, а совсем в другое место... но ставка была слишком высока, чтобы не рискнуть, и теперь в маленькой лодке плыл одинокий человек, хрупкий, как одуванчик на ураганном ветру.

Топси смотрел на серые дома с выбитыми стёклами и думал, что может их больше не увидеть.

Наконец «каньон» стал расширяться. Здесь из труб непрерывно текла вода, и течение было быстрее. Справа ряд домов закончился, и после защитной стены, обнявшей северо-западную часть города, начинались открытые пространства. Ложе реки, правда, оставалось в бетонном корсете.

Далеко впереди замаячил древний мост, первое из препятствий. Он потихоньку обваливался, и Топси молился неведомым ещё богам, чтобы ему удалось проскочить, не угодив под плиту. До моста ещё предстояло миновать золочёную эстакаду, по которой раньше пересекал реку второй Блейн. Это Топси не тревожило: последний раз тот поезд выходил из Колыбели два поколения назад.

Лодка приближалась к эстакаде. Топси сосредоточился на гребле, пытаясь набрать скорость.

Вдруг слева раздалось металлическое жужжание, и из стены у эстакады вырвался яркий луч. Он ударил по опорам, и те начали валиться, будто тростник, срезанный мачете. Топси этого не видел – луч обжёг ему сетчатку. В ушах у него зазвучало какое-то гудение, и он, всё ещё ошарашенный, машинально отмахнулся от назойливой мухи.

Но это была не муха.

Лад очертаниями напоминал сердце, и сейчас в это сердце на скорости пятьсот тридцать колёс в час неслась синяя стрела.

Когда Топси это понял, у него оставалась ещё ровно секунда, чтобы открыть рот. Но закричать он уже не успел, потому что летящий поезд пропорол его тело острым как игла носом.

Так, не достигнув моря, погиб Топси-мореход; так, не обретя тела, погибла человеческая душа Патриции Моно.

Где-то в металлических катакомбах под Ладом потухли тысячи огоньков.

ТЫ СДЕЛАЛА СВОЙ ХОД. ЕЩЁ УВИДИМСЯ, ПАТРИЦИЯ-ГАТОР.
ПОКА, КРОКОДИЛ...

Примечания автора

По Кингу, Патриция *тормозила*, когда произошло крушение. Я позволил себе отойти от исходного варианта.

В рассказе были использованы тексты групп *The Doors* и *Blue Oyster Cult*.